

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет»

**УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ:
МЕЖДУНАРОДНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ**

Электронный сборник статей

II Международной научно-практической конференции,
посвященной 50-летию Полоцкого государственного университета

(Новополоцк, 7–8 июня 2018 г.)

Новополоцк
Полоцкий государственный университет
2018

Устойчивое развитие экономики: международные и национальные аспекты
[Электронный ресурс] : электронный сборник статей II международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию Полоцкого государственного университета, Новополоцк, 7–8 июня 2018 г. / Полоцкий государственный университет. – Новополоцк, 2018. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Впервые материалы конференции «Устойчивое развитие экономики: международные и национальные аспекты» были изданы в 2012 году (печатное издание).

Рассмотрены демографические и миграционные процессы в контексте устойчивого развития экономики; обозначены теоретические основы, практические аспекты управления человеческими ресурсами; выявлены и систематизированы драйверы инклюзивного экономического роста в Беларуси и за рубежом; раскрыты актуальные финансовые и экономические аспекты развития отраслей; приведены актуальные проблемы и тенденции развития логистики на современном этапе; отражены современные тенденции совершенствования финансово-кредитного механизма; освещены актуальные проблемы учета, анализа, аудита в контексте устойчивого развития национальных и зарубежных экономических систем; представлены новейшие научные исследования различных аспектов функционирования современных коммуникативных технологий.

Для научных работников, докторантов, аспирантов, действующих практиков и студентов учреждений высшего образования, изучающих экономические дисциплины.

Сборник включен в Государственный регистр информационного ресурса. Регистрационное свидетельство № 3061815625 от 23.05.2018.

Компьютерный дизайн М. С. Мухоморовой
Технический редактор А. Э. Цибульская.
Компьютерная верстка Т. А. Дарьяновой.

211440, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, Беларусь
тел. 8 (0214) 53 05 72, e-mail: a.lavrinenko@psu.by

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ: КАК БУДЕТ ТРУДИТЬСЯ ЧЕЛОВЕК?

*И.Д. Котляров, канд. экон. наук, доц., Национальный
исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Та модель капиталистической занятости, которая воспринимается в современном обществе как традиционная модель занятости (хотя сложилась она в окончательном виде сравнительно поздно, в период зрелого, «конвейерного», фордовского капитализма), характеризуется следующими отличительными признаками:

1. Она основана на наемном труде, т. е. предприниматель (капиталист) как обладатель предпринимательской идеи и капитала должен для обеспечения функционирования своего предприятия привлекать наемных работников. Это означает, что труд выступает в качестве одного из факторов производства, а капитал, в свою очередь, генерирует спрос на рабочую силу;

2. Плата за выполненную работу является для работника основным источником средств к существованию. Иными словами, только работа на капиталиста способна дать работнику ресурсы для удовлетворения его потребностей. Это означает, что работник отделен от средств производства и вынужден продавать свой труд, а не результат труда. В несколько более позитивном ключе это можно, в сочетании с первым пунктом, рассматривать как необходимость партнерства между работником и работодателем для удовлетворения потребностей каждого из них. Здесь же можно отметить, что, продавая свой труд, а не его непосредственный результат, работник отчуждается и от предпринимательских рисков, и оплата его труда носит гарантированный характер, не зависящий от результатов деятельности предприятия-работодателя;

3. Работник имеет определенные социальные гарантии (защита от увольнения, право на оплачиваемый отпуск и т. д.), предоставляемые ему работодателем и/или государством. Необходимость в таких гарантиях естественным образом следует из предыдущего пункта и ведет к тому, что трудовые отношения между работником и работодателем становятся социально-трудовыми. Благодаря таким гарантиям работник может быть уверен в стабильности и долгосрочности своего заработка;

4. Трудовая деятельность осуществляется работником под контролем работодателя (как правило, в его помещении и на его оборудовании) по фиксированному графику, и занимает значительную часть времени работника. Эта характеристика может показаться технической, однако она имеет глубокое социально-экономическое содержание. Этот признак, во-первых, описывает тот режим, в котором удовлетворяются потребности работодателя в рабочей силе (время работы и содержание трудовых задач устанавливаются работодателем), и гарантии того, что труд работника будет использован эффективно (благодаря наличию контроля). Во-вторых, работник, проводя на рабочем месте основную часть своей жизни, неизбежно связывает с ним свою личностную и профессиональную самореализацию, что побуждает его трудиться более эффективно и дорожить своей работой. Именно через оплачиваемый наемный труд реализуется в современном обществе потребность человека в осмысленной результативной деятельности.

В настоящее время эта модель размывается по всем перечисленным выше направлениям – путем ослабления или, напротив, усиления тех или иных признаков (причем, что ин-

интересно, усиление одних признаков может стать причиной ослабления других), что ведет к возникновению нестандартной или нетипичной занятости (противопоставляемой традиционной или типичной занятости) [1-8]. Широкое распространение получили такие разновидности нестандартной занятости, как фриланс, арендная занятость, телеработа, платформенная занятость (ее примером служит Uber) и т. д., при которых социальные гарантии трудящихся ослабляются или исчезают вовсе, а доход становится не гарантированным, а привязанным к рыночному результату труда (работник продает уже не свою рабочую силу, а результат труда), из-за чего работник берет на себя предпринимательские риски. Одновременно углубляется автоматизация хозяйственной деятельности, высвобождая людей от выполнения рутинных операций (причем не только физических, но и интеллектуальных – чат-боты активно замещают «живых» консультантов). Как следствие, устраняется потребность капиталистов в живой рабочей силе и открывается дорога цифровой безработице [9-14]. По этой причине возникает вопрос о риске появления «лишних людей», лишенных рабочего места, и о создании для них источника дохода.

Перечисленные выше изменения вызывают беспокойство со стороны всех стейкхолдеров рынка труда, поскольку происходящая трансформация занятости создает риски для трудящихся и, как следствие, чревата рисками для общества в целом. В этой ситуации чрезвычайно интересно попытаться понять, по каким сценариям будет развиваться использование человеческого труда, и, как следствие, в каком обществе мы будем жить.

Можно рассматривать три сценария, которые мы предлагаем называть негативным, позитивным и консервативным.

Негативный сценарий означает, что будет происходить постепенная ликвидация модели наемного труда. Социальные гарантии и стабильная оплата труда будут исчезать, а работники будут непрерывно замещаться автоматами. Безработица будет достигать исключительно высоких значений (до 80%), и люди будут лишены гарантированного трудового дохода (в пользу этого говорит рост прекаризации труда). Гарантированная занятость сохранится только у работников с уникальными компетенциями (в том числе междисциплинарными – на это указывает появившееся недавно понятие «гибридного работника»), остальным придется рассчитывать либо на пособия (источником которых будет выросшая эффективность экономики), либо на доходы, возникающие в рамках мелкого предпринимательства (репетиторство, рукоделие и т. д.), причем последние сферы деятельности также будут неуклонно автоматизироваться (подтверждением может быть сайт Duolingo.com, предлагающий качественный автоматизированный сервис по изучению иностранного языка). Даже такая привычная работа (или подработка), как частный извоз (используемый Uber) может исчезнуть благодаря такси с автопилотом. Живой труд останется востребованным в тех сферах, где работа предполагает наличие человеческого поведения и участия, где для выполнения работы по определению необходим человек как таковой – сиделки, няни, проститутки (речь идет не о рутинном, механическом труде, который присутствует и в этих видах деятельности, а о труде аффективном) [15]. Наконец, потребность в живом труде сохранится там, где использование автоматов и роботов будет экономически неэффективно, однако, вероятно, эти сферы деятельности также будут постепенно исчезать из-за прогрессирующего замещения ручного труда автоматическим.

Позитивный сценарий указывает на то, что хотя гарантии занятости действительно снизятся и от людей для получения дохода действительно потребуются наличие уникальных компетенций, однако на самом деле это означает, что у каждого человека появится возмож-

ность раскрыть свой потенциал, и предложить потребителям то, что способен сделать только он один. Человек при этом получить возможность управлять своей занятостью и выбирать оптимальное для него сочетание личного и рабочего времени [16]. Фактически речь идет о создании пространства для самореализации человека. В пользу такого сценария говорит то, что до сих пор экономика и, шире, общество справлялись как с изменениями модели занятости, так и с вытеснением людей из традиционных сфер деятельности. Ликвидация занятости в сельском хозяйстве сопровождалась развитием занятости в промышленности, где требовались работники, способные обслуживать машины. Высвобождению работников в промышленности сопутствовало активное развитие сектора услуг, где создавались рабочие места. Автоматизация сектора услуг, вполне вероятно, приведет к развитию сектора экономики, который можно условно назвать крафтом или «неоремеслом». Наконец, сохранит свою значимость и аффективный труд. Предполагается, что сохранятся отрасли, в которых машина заменить человека не сможет [17]. Кроме того, машина всегда будет чуть отставать от человека – и именно в этой зоне отставания и будут создаваться условия для труда и получения дохода людьми.

По аналогии со шведским социализмом при реализации этой модели можно говорить о цифровом коммунизме. Как шведский социализм социализмом в строгом смысле слова не был, а представлял собой капитализм, однако с высоким уровнем социальной защиты населения, уровнем, который соответствовал чаяниям людей (и потому в народном сознании, особенно при взгляде извне, воспринимался как социализм), так и цифровой коммунизм не будем тем коммунизмом, о котором мечтали Маркс и Энгельс. Это будет продвинутый капитализм, капитализм 4.0 (который для простого человека будет неотличим от коммунизма – поскольку для обычного человека важно не то, сохранились ли деньги и товарно-денежные отношения, а то, насколько комфортно ему жить; комфорт при этом следует понимать не узко, как банальное удовлетворения материальных потребностей, но как возможности для самореализации человека – как материальной, так и личностной, духовной), где, в рамках товарной денежной экономики, люди на платной основе будут обеспечивать себе высокий уровень удовлетворения своих материальных и моральных потребностей. Они будут освобождены от тяжелого с физической и психологической точек зрения труда, а их деятельность приобретет креативный характер.

Разумеется, можно сказать, что разница между позитивным и негативным сценариями состоит только в том, как они видят грядущие изменения – со знаком плюс или со знаком минус. Однако важно подчеркнуть, что в пользу позитивного сценария говорит тот факт, что каждый предыдущий этап развития хозяйственной деятельности приводил к такому изменению уровня благосостояния и модели потребления человека, что открывал путь для создания последующего этапа хозяйственной деятельности, и, как следствие, для новой сферы приложения человеческих усилий. Например, промышленная занятость стала причиной роста благосостояния населения и одновременно причиной нехватки времени для домашнего труда, который перетек в сектор услуг. Как следствие, сформировались условия для развития сервисной экономики. Отметим, что при переходе к сервисной экономике также звучали опасения, что работники лишатся гарантированной занятости на производстве – опасения, очень похожие на те, что раздаются сейчас.

Наконец, консервативный сценарий предполагает, что будут возникать барьеры (как законодательные, так и экономические) на пути дальнейшего углубления неустойчивой занятости и автоматизации производственной деятельности, что сохранит рабочие места. В

частности, сейчас есть попытки распространить трудовое законодательство и на новые формы занятости (например, на платформенную занятость), путем предоставления работникам гарантированной минимальной оплаты труда. Примером способа создания такого барьера против автоматизации может быть недавно высказанное предложение Билла Гейтса о введении налогов на использование роботов. Как утверждает Гейтс, фирмы вынуждены платить налоги, связанные с традиционными рабочими места, тогда как предприятия, использующие роботов, от таких налогов освобождены, что ставит их в неравноправное положение. Сюда же можно отнести предложения по наделению роботов правами личности. В совокупности это может стать причиной роста затрат на использование роботов, и, как следствие, некоторого замедления замещения ими человеческого труда. Интересно отметить, что это в некоторой перспективе может привести к тому, что роботы, наряду с людьми, станут субъектами трудовых (при всей условности данного термина в этой ситуации) отношений. Иначе говоря, вымывание людей из сферы трудовых отношений будет сопровождаться проникновением в эту сферу роботов.

Вероятно, в чистом виде ни один из этих сценариев не реализуется, и разумнее всего говорить о их некотором сочетании. Тем не менее, можно предположить, что традиционная модель занятости переживает необратимые трансформации, и следует прилагать усилия не для ее искусственной консервации, а для того, чтобы сделать эту трансформацию как можно менее болезненной для общества.

Интересно отметить, что разрушающаяся ныне традиционная капиталистическая модель занятости, распад которой вызывает множество переживаний у общества, политиков и специалистов по экономике труда, пришла на смену другим моделям занятости – ремесленной, мануфактурной и (прежде всего) феодальной или полуфеодальной аграрной, которые она разрушила, и по сравнению с которыми на заре своего существования также воспринималась как нетрадиционная. И внедрению этой модели занятости общество тоже сопротивлялось, стремясь законсервировать традиционные экономические отношения. Луддиты, разрушавшие станки на фабриках в стремлении вернуться к ручному труду, ничем не отличаются от нынешних таксистов, борющихся против Uber. Капитализм лишил огромную массу населения своих средств производства, вынудив ее тем самым работать на своих фабриках. Люди попали в зависимость от капитала, что вызывало их неприятие, но при этом получили определенный стабильный доход и некоторые социальные гарантии, которые в течение времени расширялись благодаря борьбе работников за свои права и общему экономическому росту. Благодаря этому капиталистическая модель занятости и стала «традиционной». Интересно, что тогда же, в период становления промышленного, фабричного, капитализма звучали опасения о том, что технологический прогресс будет лишать людей рабочих мест [18] – те же опасения, которые слышны и сейчас.

Сейчас, когда работник выталкивается из модели постоянного найма в модель гибкой занятости, когда он снова обладает средствами производства, а объектом купли-продажи чаще всего становится не рабочая сила, а результат труда, размывание привычной (и потому «традиционной», «типичной») модели занятости вызывает опасения у трудящихся – поскольку они будут лишены гарантированного дохода и социальных гарантий. Однако с теми же переживаниями были связаны сломы всех предыдущих моделей использования человеческого ресурса. Интересно, что выталкиваемые сейчас в гибкую занятость работники, побуждаемые фактические к самостоятельной предпринимательской (или квази-предпринимательской) деятельности вместо работы по найму с гарантированной зарплатой,

протестуют против этого выталкивания – точно так же, как лишаемые собственных мастерских ремесленники протестовали против заталкивания их на фабрики.

Здесь, вероятно, уместно вспомнить известный из марксистской политической экономики закон соответствия производственных отношений уровню и характеру производительных сил. Современный работник сильно отличается как от описанного Марксом рабочего на фабриках Великобритании XIX в., так и от фордовского работника XX в. Капитализм, вероятно, выполнил свою историческую функцию – ту, о которой писал Маркс: за счет своей колоссальной эффективности, немыслимой для рабовладения и феодализма, он сумел вовлечь в производство огромные ресурсы и добиться высокой степени удовлетворения базовых человеческих потребностей (уровень их удовлетворения, разумеется, зависит от конкретного государства, но в развитых странах он действительно высок). Сейчас же работники нуждаются не в массовой продукции (которая вполне может выпускаться на роботизированных предприятиях), а в удовлетворении их индивидуальных, уникальных запросов (в том числе и эмоциональных), и они обладают компетенциями для выполнения этих запросов (неслучайно столь популярен крафт). Кроме того, они желают самостоятельно управлять своим рабочим временем. Однако общество, в котором велика доля таких работников, уже не нуждается в массовом сосредоточении человеческих ресурсов на огромных заводах, гораздо большее значение имеет гибкое реагирование на индивидуальный спрос – с чем, в конечном счете, связаны фриланс и платформенная занятость. Капиталисты также не нуждаются в больших массах рабочих, которые с успехом могут быть заменены автоматами – однако по-прежнему сохраняется потребность в работниках с уникальными навыками и компетенциями.

Новая модель занятости сейчас переживает свое становление – во многом болезненное для стейкхолдеров рынка труда, и возникающие способы привлечения трудовых ресурсов таят в себе как светлые, так и темные стороны (избыточное внимание к одной из этих сторон порождает, соответственно, позитивный и негативный сценарии, описанные выше). Это, разумеется, требует пристального внимания со стороны регуляторов [19], которое должно быть тщательно сбалансированным – чтобы не допустить доминирования негативных тенденций, но при этом не уничтожить и позитивные сдвиги. И регулирование не должно быть направлено на реставрацию традиционной модели занятости любой ценой – скорее, его цель должна заключаться в поддержке положительных аспектов новой модели занятости.

Вспоминая еще одно произведение классиков марксизма – «Манифест коммунистической партии», - можно указать, что, по их мнению, капитализм вырвал людей из идиотизма деревенской жизни. Может быть, переход к новой модели занятости столь же прогрессивен, поскольку он вырывает людей из оупляющей работы на конвейере, идиотизма зачастую бессмысленных офисных функций, изнуряющей беготни по сервисным заведениям, открывая им новые возможности самореализации и давая обществу полнее удовлетворить свои потребности?

Список использованных источников

1. Азьмук Н. А. Трансформация занятости в странах с развитой информационной экономикой // Проблемы экономики. – 2014. – № 3. – С. 7-12.
2. Базжина В. А., Цыганкова И. В., Никишина О. Ю. Развитие нестандартных форм занятости в современной России // Российское предпринимательство. – 2014. – № 24. – С. 71-86.

3. Білик О. М. Нестандартна зайнятість: виклики сьогодення // Соціально-трудові відносини: теорія та практика. Збірник наукових праць. – 2014. – № 1. – С. 296-301.
4. Бобков В. Н., Новикова И. В., Квачев В. Г. Вызовы неустойчивой занятости: приоритеты регулирования российского законодательства // Уровень жизни населения регионов России. – 2017. – № 3. – С. 41-50.
5. Ванкевич Е. В., Зайцева О. В. Нестандартная занятость: сущность, формы, масштабы, регулирование // Белорусский экономический журнал. - 2015. - № 3. - С. 129-146.
6. Гришнова Е. А., Азьмук Н. А. Развитие человеческого капитала и трансформация форм занятости: взаимовлияние и взаимообусловленность // Демографія та соціальна економіка. – 2014. – № 1. – С. 85-96.
7. Долженко Р. А. Новые формы трудовых отношений: уточнение понятий // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2014. – № 1. – С. 168-173.
8. Колот А. М. Трансформация института занятости как составляющая глобальных изменений в социально-трудовой сфере: феномен прекаризации // Уровень жизни населения регионов России. – 2013. – № 11. – С. 93-101.
9. Бобков В. Н., Новикова И. В., Шичкин И. А. Цифровая революция и ее воздействие на устойчивость рынков труда и занятости // Уровень жизни населения регионов России. – 2016. – № 3. – С. 12-17.
10. Зоргнер А. Автоматизация рабочих мест: угроза для занятости или источник предпринимательских возможностей? // Форсайт. – 2017. – Т. 11. – № 3. – С. 37-48.
11. Капелюшников Р. И. Технологический прогресс – пожиратель рабочих мест? Вопросы экономики. – 2017. – № 11. – С. 111-140.
12. Коллинз Р. Средний класс без работы: выходы закрываются // Есть ли будущее у капитализма? М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 320 с.
13. Котлер Ф. Конец капитализма? 14 антидотов от болезней рыночной экономики. М.: Эксмо, 2016. – 288 с.
14. Форд М. Роботы наступают: развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина нон-фикшн, 2016.
15. Цирель С. В. Экономика ближайшего будущего // Terra Economicus. – 2017. – Т. 15. – № 1. – С. 44-67.
16. Пинк Д. Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки. М.: Издательский дом «Секрет Фирмы», 2005. – 328 с.
17. Фриман А. Сумерки машинокрайического подхода: незаменимый труд и будущее производства // Вопросы политической экономики. – 2016. – № 4. – С. 37-60.
18. Barton J. Observations on the circumstances which influence the condition of the labouring classes of society. L.: John and Arthur Arch, Cornhill, 1817. – 90 p.
19. Локтюхина Н. В., Новикова И. В. Регулирование рынка труда и занятости населения в условиях развития информационно-коммуникационных технологий // Уровень жизни населения регионов России. – 2017. – № 1. – С. 40-49.